

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М. ОЖЕ «НЕ-МЕСТА ВВЕДЕНИЕ В АНТРОПОЛОГИЮ ГИПЕРМОДЕРНА»

УДК 008 : 572.028(049.32)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-138-144>

К. М. Рецова

Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: karinarecova@gmail.com

Аннотация: В статье читателю предлагается тезисное знакомство с содержанием книги французского антрополога Марка Оже «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» и размышления над этой работой. Марк Оже – ученый-этнограф, специализирующийся на изучении коренных народов Африки и Южной Америки. Кроме этого в числе его научных интересов находятся темы, касающиеся знаковых изменений в культуре повседневности современных обществ западного типа. Наиболее известен он тем, что ввел в научный культурологический дискурс понятие «не-место», которому дополнительный вес придает тот факт, что Оже использует его в связке с понятием «гипермодерн». Фокус внимания Марка Оже в этой книге сосредоточен на том, чтобы проследить связь постоянно множасьихся «не-мест» гипермодерна с тремя трансформациями современности – трансформаций времени, пространства и индивида. Антропологический анализ этих трансформаций сам по себе представляет большой культурологический интерес. Опираясь на научные традиции этнографии и антропологии, Оже создает стройную, но не догматическую теоретическую систему, в которой есть место как для описательного, так и аналитического сегмента. Используя классическую антропологическую оптику, он утверждает, что современный человек чувствует себя наиболее одиноким в «не-местах», находясь в толпе себе подобных, и при этом переживает позитивный опыт истинного возврата к себе. В рецензии мы фокусируем внимание на основных структурных элементах книги, даем тезисное описание их содержания, останавливаясь на особо значимых моментах работы. Книга Оже, переведенная на основные европейские языки, оказала широкое влияние на работы современных экономистов, социологов, политологов, исследователей культуры и искусства.

Ключевые слова: антропология, гипермодерн, не-места, трансформация, современная культура, культурная парадигма.

Для цитирования: Рецова К. М. Рецензия на книгу М. Оже «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 138-144. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-138-144>

REVIEW OF M. AUGER'S BOOK «NO-PLACES. INTRODUCTION TO THE ANTHROPOLOGY OF HYPERMODERNITY»

РЕЦОВА КАРИНА МИШАЕВНА – аспирант кафедры социальной философии, Институт философии и социально-политических наук, Южный Федеральный университет

RETSOVA KARINA MISHAEVNA – Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, Southern Federal University, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University

© Рецова К.М., 2022

Karina M. Retsova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

e-mail: karinarecova@gmail.com

Abstract: The article offers the reader a thesis introduction to the content of the book by the French anthropologist Marc Auger “No-Places. An introduction to the anthropology of hypermodernity” and reflections on this work. Marc Auger is an ethnographer specializing in the study of the indigenous peoples of Africa and South America. In addition, among his scientific interests are topics related to significant changes in the culture of everyday life in modern Western-type societies. He is best known for introducing the concept of non-place into scientific cultural discourse, which is given additional weight by the fact that Auger uses it in conjunction with the concept of hypermodern. The focus of Marc Auger’s attention in this book is to trace the connection of the constantly multiplying “non-places” of hypermodernity with the three transformations of modernity – the transformations of time, space and the individual. The anthropological analysis of these transformations in itself is of great cultural interest. Based on the scientific traditions of ethnography and anthropology, Auger creates a coherent, but not dogmatic, theoretical system in which there is a place for both descriptive and analytical segments. Using classical anthropological optics, he argues that modern man feels most lonely in “non-places”, being in a crowd of his own kind, and at the same time he experiences a positive experience of a true return to himself. In the review, we focus on the main structural elements of the book, give a thesis description of their content, dwelling on especially significant moments of the work. Auger’s book, translated into major European languages, has had a wide influence on the work of modern economists, sociologists, political scientists, researchers of culture and art.

Keywords: anthropology, hypermodern, non-places, transformation, contemporary culture, cultural paradigm.

For citation: Retsova K. M. Review of the book by M. Auger “Non-places. Introduction to the anthropology of hypermodernity”. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 138–144. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-138-144>

Книга «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» была написана французским этнографом и антропологом Марком Оже в 1992 году. На русском языке она была издана в 2017 году. Эта работа относится к тому периоду в исследованиях Оже, который получил название «глобального». Основой для его научных изысканий во многом послужили многочисленные путешествия, которые он совершал в начале своей деятельности, исследуя народы Африки. Вследствие регулярных передвижений на большие расстояния Оже сталкивался с пространствами, с которыми обычно приходится сталкиваться во время путешествий, такими, как аэропорты, автовокзалы, отели и т. д., что послужило базой его концепции «не-мест».

Книга Марка Оже «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» посвящена поиску межкомпонентных соединений и пере-

сечений материальных, знаковых и социальных пространств. Эти многоплановые соединения Оже рассматривает через призму новой социокультурной парадигмы, пришедшей на смену постмодерну, которую он называет гипермодерном. Надо отметить, что в оригинале термин звучал как «surmodernité», в английском переводе – как «supermodernity». А в русском он претерпел еще большую трансформацию: на французском языке приставка «sur...» обозначает не «гипер...», как предположил переводчик, но «сверх...», а буквально – «над...». Семантическая разница этих приставок очевидна: если «гипер...» усиливает модерн, то «сверх...» его превосходит и возвышается над ним [3, с. 69–83]. Заметим, что после создания Марком Оже термина «гипермодерн» он был использован французским философом, писателем и социологом Жилем Липовецки. В соавторстве

с философом С. Шарлем в 2004 году он издал работу «Время гипермодерна» [6], которая через год была переведена на английский язык.

В книге Марка Оже «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» исследуется различие между «местом», наделенным историческим смыслом и творчеством общественной жизни, и «не-местом», с которым индивиды связаны единым бюрократическим образом и где органическая социальная жизнь невозможна. Здесь мы сталкиваемся с двумя основными проблемами: первая – это генеалогия места в антропологии и других областях социальных/гуманитарных наук, построенная между местными фантазиями, укорененными в ландшафте, и этнографическими представлениями о местах посредством операций академической объективации.

Книга состоит из пролога, трех глав и эпилога. Примечательно, что пролог начинается как художественное произведение: описывается рядовая ситуация, в которой герой совершает привычные каждодневные действия – снимает деньги из банкомата. Но далее путь героя пролегает последовательно через трассу, подземную парковку, аэропорт – через эти переполненные людьми места, где тысячи индивидуальных траекторий пересекались незаметно друг для друга [2, с. 6]. Далее описывается, как герой осуществляет привычные действия: приобретает товары в дьюти-фри, садится в самолет, изучает рекламные проспекты. Все это время рядом с ним находятся сотни людей, но он, как и они, ощущает себя совершенно одним, одиноким.

В первой главе «Ближнее и далекое» автор переходит к научному языку. В начале главы он рассуждает об антропологии как науке и ее основных характеристиках. Антропология всегда была наукой, изучающей человека «здесь» и «сейчас». Этнолог за работой – всегда тот, кто находится где-то (в своем моментальном «здесь»), и описывает наблюдаемое или слышимое в этот самый момент [2, с. 8], – пишет Оже. Он делает вывод, что все, что отдаляет ученого от непосредственных

полевых наблюдений, отдаляет его и от антропологии. Далее он формулирует два главных вопроса, касающихся «этнологии ближнего»: может ли этнология Европы претендовать на уровень научности этнологии дальних обществ и могут ли современные общественные институты быть рассмотрены с точки зрения антропологии? На первый вопрос он отвечает утвердительно, тогда как относительно второго полагает, что сегодня объектом рассмотрения является уже не Европа, а современность как таковая, причем в самых агрессивных, тревожащих и актуальных аспектах [2, с. 10].

Важно обратить внимание на три глобальные трансформации современности, которые Оже выводит и формулирует в первой главе:

- трансформация времени (избыток событий в единицу времени);
- трансформация пространства (избыточность пространства в совокупности с «уменьшением» масштабов планеты);
- трансформация эго индивида (возврат в антропологическую рефлексию).

Для иллюстрации второй трансформации Оже и вводит свой известный термин «не-места», под которыми понимает сооружения, обеспечивающие ускоренный круговорот грузов и пассажиров (скоростные магистрали, пересадочные узлы, аэропорты), и сами средства транспорта, а также крупные торговые центры и места долговременного пребывания, приютившие в себе беженцев нашей планеты [2, с. 18].

Вторая глава «Антропологическое место» раскрывает термин, помещенный в ее название. Антропологическое место – одновременно является смыслоорганизующим принципом для тех, кто его населяет, и принципом, обеспечивающим познаваемость для наблюдателя [2, с. 25]. Эти места обладают как минимум тремя общими чертами. Они стремятся быть (люди стремятся сделать их) местами идентичности, отношений и истории [2, с. 26]. Понятие места в антропологии

всегда имело большую значимость. Проблема смысла и ценности места в культуре, интерпретации «духа места» в качестве анимистического обобщения, исследование места как поэтической метафоры, эстетической категории или философской концепции составляют содержание научного анализа этого концепта [4, с. 46–51].

В связи с термином «антропологическое место» автор рассматривает понятия маршрута, пересечения и центра в их культурологическом аспекте и анализирует в этом ключе особенности пространств Франции и, в частности, Парижа. Следовательно, можно предположить, что восприятие места не ограничивается зрительным образом. Это сложный процесс, в котором соединяются как субъективные особенности личности, так и множество наслоений, через которые мы воспринимаем это место [5, с. 66–71].

Третья глава «От мест к не-местам» посвящена описанию и дифференцированному анализу понятий «место» и «не-место». Главное их различие, по мнению автора, заключается в том, что «место» может быть определено как создающее идентичность, формирующее связи и имеющее отношение к истории, тогда как «не-место» нельзя определить через вышеуказанные понятия [2, с. 36]. «Не-места», расположенные на пересечении человеческих отношений, представляют собой пространства, периодически появляющиеся и исчезающие, отмеченные непостоянством и анонимностью [7].

Гипотеза Оже состоит в том, что новое социокультурное состояние общества, которому он дал определение «гипермодерн», во множестве производит именно такие «не-места». «Место» и «не-место» в некотором роде являются антагонистами: место как таковое не может полностью исчезнуть, а не-место не может полностью воплотиться. Взаимоотношения этой пары понятий представляет собой транстекстуальное семиотическое переплетение идентичности и взаимосвязи. Далее Оже указывает на двусоставность термина «не-место», подчеркивая, что он

строится на двух концептах – пространстве, структурированном в соответствии со своим предназначением, и отношениях, которые возникают между личностями в этом пространстве. Сохраняя свою неприкосновенную индивидуальность, но будучи визуально «таким же, как все», пользователь «не-места» вступает с ним в строго регламентированное взаимодействие, формальная прописанность которого еще более подчеркивается обилием указующих знаков в таком месте (указатели, инфографика, маркировки, предписания).

Транзакционная природа языка, используемого в «не-местах», в свою очередь, определяет отношения между индивидуумами, обитающими в «не-местах». Оже приводит в пример кассу в супермаркете, где взаимодействие между покупателем и кассиром характеризуется тишиной, отсутствием диалога. Клиент передает кассиру кредитную карту, которая проверяется и считывается, оставляя мало места для разговора. Вместо того, чтобы общаться друг с другом, кассир и клиент больше взаимодействуют с карточным автоматом, который инструктирует их и направляет действия. Используемый здесь язык точно так же регулирует отношения между каждым покупателем в супермаркете. Обращаясь к ним одновременно и без разбора, супермаркет формирует «среднего человека», поглощенного общей идентичностью «покупателя».

Кроме того, «не-места» существуют по отношению к конкретным процессам, ориентированным на определенные цели – таким, как использование транспорта, торговля и отдых. Упорядочивая отношения индивидов с пространством, «не-места» навязывают договорный характер взаимодействия между пространством и индивидом. Идентификация человека (как «клиента», «пассажира» или «пользователя») создается и впоследствии стирается при входе и выходе человека из «не-места».

По мере того, как мир возвращается к нормам и практикам передвижения, существовавшим до пандемии COVID-19, вни-

мание к «не-местам» усиливается. Несмотря даже на нормы социального дистанцирования «не-места» продолжали оставаться актуальными в определении отношений между пространством и человеком. Их растущее присутствие сегодня дает опыт неантропологического посредничества между людьми. Эти внеисторические переживания стали неотъемлемым компонентом социального бытия.

Важным представляется приведенный автором в третьей главе критерий отличия понятий пространства и места. Согласно ему понятие «пространства» более абстрактно, чем понятие «места», которое как минимум отсылает нас к событию, мифу или истории [2, с. 38]. С помощью пространства индивид использует места посредством собственного передвижения. Можно предположить, что место служит, прежде всего, для того, чтобы описать нашу взаимосвязь с миром. Это могут быть память о нем, чувства, ощущения – как на физическом, так и на метафизическом уровне [5, с. 66–71].

Краткий эпилог книги представляет собой возврат к прологу. В нем снова появляется герой условного художественного произведения – рядовой житель крупного города, перемещающийся в пространстве, имея отправными точками «не-места».

В эпилоге автор с помощью художественного повествования показывает нам, как условность «не-мест» не препятствует их довольно жесткому диктату относительно поведения человека, находящегося в них. Этот момент репрезентуется ситуацией, когда героя, пролетающего над страной, в которой имеется запрет на употребление алкогольных напитков, оповещают о том, что пока самолет пролетает над этой страной (фактически находясь в ее границах только в условном воздушном пространстве), употребление таковых напитков будет невозможно. Автор намеренно не выводит какого-либо умозаключения из описанной ситуации, давая читателю простор для собственных выводов, главный из которых заключается в том, что теоретическое взаимопроникновение мест с их пра-

вилами и «не-мест», имеющих собственные инструкции «по применению», мы можем постоянно наблюдать в повседневной жизни, даже не идентифицируя их как таковые.

Далее часть эпилога, написанного в художественном стиле, продолжается научным анализом всего содержания работы. Ключевая мысль автора заключается в том, что практическое использование «не-мест» является примером беспрецедентного в истории опыта одиночества индивидуальности, объединенного с лишенными человеческого посредника взаимодействиями между индивидом и властью общества [2, с.52].

Эпилог завершается фразой, которая одновременно подводит итог всей работе и очерчивает перспективы в развитии темы. В ней Оже пишет, что «завтра возникнет потребность – а возможно, она уже возникла – в том, что, несмотря на противоречие в терминологии, можно было бы назвать антропологией одиночества». Важно заметить, что это было написано в 1992 году; сегодня актуальность условно названной антропологии одиночества не вызывает сомнений. Сегодня тема «одиночества в толпе» перешла из разряда узких экзистенциальных вопросов в категорию одной из самых болезненных точек современности. Исследователи выделяют две существенные проблемы, с которыми приходится сталкиваться при анализе темы одиночества. Во-первых, разработка понятия одиночества, равно как и экспликация представлений о самом феномене, могут быть осуществлены лишь в контексте понимания всех горизонтов человеческого бытия; во-вторых, проблема состоит в невозможности полного абстрагирования вопрошающего субъекта от самого феномена [1, с. 252–256].

Подводя итог, можно сказать, что в исследовании Оже главными стали два момента: введение в научный антропологический дискурс понятия «не-место» и рассмотрение – в связи с ним – термина «гипермодерн» как названия для новой социокультурной парадигмы. Гипермодерн, можно сказать, является лицевой стороной того, изнанкой чего нам

извечно представляется постмодерн. Однако Оже не утверждает, что концепция гипермодерна так же всеобъемлюща, как постмодерн.

С точки зрения гипермодерна сложность осмысления времени объясняется избытком событий, происходящих в современном мире, а не крушением идеи прогресса, уже давно шаткой [2, с. 17]. Гипермодерн, по мнению автора, трансформирует не только пространство, но и время, что отражается в характеристике его наполненности концентрацией событий в условную единицу времени. Таким образом, и человеческая личность, существующая в координатах сущностно измененного пространства и времени, не может не испытывать на себе этих изменений, она неизбежно претерпевает и собственные трансформации. На изломе этих изменений ярко подсвечиваются не актуализированные ранее зоны экзистенциальных проблем личности, которые отчасти существовали и ранее, но не были осмыслены с использованием научного языка описания.

Актуальность обращения к заявленной теме и одновременно сложность исследования обусловлены тем, что автор анализирует культурные изменения, частью которых является сам. Об этой трудности Оже упоминает в начале своей работы, но обращает наше внимание на то, что это не является непреодолимым препятствием для ученого-антрополога. К попытке оживить дисциплину антропологии в целом относится и его использование новых методов письма – включение в научный текст повествовательных художественных частей.

Марк Оже – в числе прочих проблем антропологии как науки – указывает на многолетнюю дисциплинарную практику антропологии по созданию романтического видения мест как вечных, неизменных, «укорененных в нетронутой почве», поддерживаемых архаичными и экзотическими ритуалами коренных народов. Он также указывает на «искушение тотальности», когда культура представляется как целостная и точно репрезентируемая случайно выбранными людьми, артефактами, местами и практиками изнутри самой себя.

От пролога до эпилога Марк Оже последовательно проводит определенную теоретическую линию. Интересен и сам подход ученого-этнографа: он использует аналитические методы этнографии для исследования современного общества западного типа, частью которого является сам. Примечательно, что автору при этом удалось не потерять объективность и не уйти в догматизм в своих умозаключениях. Он вводит понятие гипермодерна (сверхсовременности), но не настаивает на его тотальности, подчеркивая, что концепция постмодерна была более всеохватывающей. Марк Оже на страницах данной книги обращается к анализу лишь части изменений, которые произошли в современном обществе, но описывает и систематизирует их очень определенно. Введенный автором термин «гипермодерн» после публикации книги зажил собственной жизнью и перекочевал в работы других исследователей культуры, что говорит о его релевантности и востребованности. Лакуна, которая сегодня образовалась в связи с тем, что постмодернизм более не вмещает все многообразие социокультурных проявлений, вызывает к появлению новых терминов, однако таковые более ценны не самим появлением, а тем, что каждый из них отражает какую-либо совокупность современных культурных изменений. Гипермодерн среди прочих определений положительно выделяется тем, что он создан на серьезной аналитической базе профессиональным ученым-антропологом. Дискуссионным моментом книги Оже является утверждение о том, что идея прогресса, уже долгое время являясь шаткой, постепенно отмирает. Однако надо учитывать, что книга была написана в 1992 году, а возвращение метанарративов, в том числе и идеи прогресса, началось несколько позже. Поэтому подобный спорный момент, по нашему мнению, не умаляет общей значимости книги и даже, напротив, создает поле для новых размышлений и дискуссий относительно современной социокультурной парадигмы.

Список литературы

1. Нечаев С. Л. Одиночество: к особенностям познания феномена // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. С. 252–256.
2. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. Москва: Новое литературное обозрение, 1992. 55 с.
3. Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 69–83.
4. Полякова И. А. Антропология места, или Культурные метаморфозы *genius loci* // Вопросы культурологии, 2011, № 10. С. 46–51.
5. Скопина М. В. Феномен «места» и «не-места» в постиндустриальном городе // Вестник Московского государственного строительного университета 2013. № 1. С. 66–71.
6. Lipovetsky G. Les temps hypermodernes, éditions Grasset. 2004. 196 p.
7. Srinivasan R. A non-place. The Hindu [Электронный ресурс] // URL: https://www.thehindu.com/specials/text-and-context/a-non-place/article65308747.ece#comments_65308747

References

1. Nechaev S. L. Loneliness: to the peculiarities of the cognition of the phenomenon // Teacher: 21st century. 2010. № 2. p. 252–256. (In Russ.)
2. Auger M. Non-places. Introduction to the anthropology of hypermodernity. Moscow: New Literary Review, 1992. 55 p. (In Russ.)
3. Pavlov A. V. Images of modernity in the 21st century: supermodernism // Knowledge. Understanding. Skill. 2019. № 1. p. 69–83. (In Russ.)
4. Poljakova I. Anthropology of place, or cultural metamorphoses, or cultural metamorphoses of *genius loci* // Issues of Cultural Studies, 2011, № 10. p. 46–51. (In Russ.)
5. Скопина М. В. The phenomenon of “place” and “non-place” in a post-industrial city // Vestnik MGSU. 2013. № 1. p. 66–71 (In Russ.)
6. Lipovetsky G. Les temps hypermodernes, éditions Grasset, 2004. 196 p.
7. Srinivasan R. A non-place. The Hindu [Electronic resource] // URL: https://www.thehindu.com/specials/text-and-context/a-non-place/article65308747.ece#comments_65308747

*

Поступила в редакцию 29.06.2022